

Михаил Погарский

Метаморфозы нормы

повесть, мощённая ритмом

красногорск
ММХ

Сначала площадь. Скажем так:
Большая. Квадратная. И вымощена камнем.
Тем самым, что лежал когда-то
В подошве Гималайских гор.
В том месте, где текла тропа
Из Греции к владениям Тибета.
По ней спускались ламы и верблюды.
И воины на греческих конях.
Охотники за снежным барсом.
А также винторогие козлы...
Однажды проходил по ней бродяга
Из тех степей, что в диком Забайкалье.
Котомку опускал свою на камни,
Пропитанную духом Баргузина...
На той тропе потомки Чингизхана
Укладывали спать кривые ноги.
И молоко монгольских кобылиц,
Стекая по широким гордым скулам,
На тех камнях в каплях оседало...
Там, говорят, мочился Марко Поло...
И сам Ермак с дружиною своей
Здесь распивал большой бочонок мёда

Бордюр из эпитафий, окаймляющих повесть:

*Все камни, которые когда-либо играли роль в моей
жизни, встают и обступают меня.*

(Густав Майринк. Голем)

Июньского, с цветов лесной клубники,
Что отыскал в дупле кривого дуба
Убогий бортник, именем Антип.
Его варили с приговором силы.
Потом томили долгою верстой.
И, говорят, вкусившие его
Уже не могут жить оседлой жизнью...
Да, вот ещё. С дружиной Ермака
Шёл в дальние неведомые страны
Гусляр Терентий. Он протяжной песней
О чистых водах Волги и Оки,
О вольнице. О подвигах казаков.
До магмы пробирал структуру камня...
И, наконец, по тропке этой горной
Шёл на Восток великий Гаутама,
Неся в душе недавний свет прозренья,
Что проняло его у дерева, у Бодхи.
Впитав дыханье множества ступней,
Принадлежавших самым странным людям,
Те камни обрели невиданную силу:
Когда кусочек с этой горной тропки
Вложить, к примеру, в руку домоседу,

У дерева, у камня есть душа.

(Су Ши)

Он бросит дом, жену свою, хозяйство
И в путь уйдёт за облаком и штормом...
Всего одна крупинка с той тропы,
Попавшая в подкладку пиджака
Завязтого дельца и скупердяя,
Могла его заставить подобреть
И всё богатство распустить по ветру...

Идёт молва, в запутанном однажды
Из тех камней наделали чернильниц.
И подарили их засушенным учёным:
Ньютону, Лейбницу, Паскалю и Бернулли.
И, говорят, что с этих самых пор
Они писали не трактаты, а поэмы,
Не занося, однако, их в листы.
Ещё я слышал, в городе Тобольске
Юродивый искусный ювелир
Вставлял камеи из диковинного камня
В оправу из витого серебра.
И перстни эти, странствуя по свету,
Осели на руках пророков и поэтов.
У Пушкина такой был перстень,

*Вот это слово и есть душа камня, сердце горы, кровь
вулкана. Именно в него вложили все свои силы скрытые
токи Земли.*

(Ван-дер-Вайн)

У Бодлера, У Сирано, У Босха, Вовенарга,
У Брейгеля и даже у Шекспира.
Хотя никто доселе не уверен о том,
Существовал ли сам Шекспир,
Но то, что перстень он носил из камня,
Об этом есть доподлинная правда.

Молва о чудотворной силе камня
Распространялась в городах и весях.
И вот дошла она в промышленные уши
Дельца Демидова Антона Кузьмича.
И снарядил он экспедицию за камнем.
И целые склады его привёз.
Немалые, причём, на то угробив деньги,
Платя втройне: за труд, за риск, за страх.
Имел он замыслы великие па камень.
Но вот осуществить их не пришлось.
Поскольку с разрушением горной тропки
Вселенские поднялись катаклизмы:
Пожары Мировой войны взметнули пламя,
За ними революция, террор,
Крушение оплотов и устоев.

И здесь за камнепадом ревьёт камнепад...
(Владимир Высоцкий)

И, говорят, всему виною камень,
Вернее, долгое его перемещенье...

Однако же, вот странная петрушка,
Есть между нас совсем стальные люди,
Которых даже камни не берут.
И вот они-то, эти люди-гвозди,
Той тропкой умостили нашу площадь,
Смеясь проклятьям праведных старушек
И не боясь как будто никого.
Потом их, правда, всех порасстреляли
И даже вроде будто ни за что.
Их расстреляли. Площадь же осталась.
И я на южной стороне её,
Устроившись в кофейне Соломона,
Свою извилистую повесть начинаю:

*А камешек — хочешь под голову, хочешь на шею дам,
отдыхай тогда на здоровье хоть до Страшнейшего
Суда.*

(Саша Соколов. Между собакой и волком)

Шарманщик Генио. Несёт свой инструмент.
В потёртой шляпе. С белым попугаем.
Плетётся по делам или без дел,
Считая соловьёв и канареек...
Забыл сказать. Весеннюю порой
Со всей Подсолнечной, Подлунной, Поднебесной
Слетаются пернатые певцы в наш город,
Оглашая его кривые пере-зако-улки
На тысячи сонат и ораторий,
Лишая хлеба хриплую шарманку.
Но Генио, однако, не грустит.
По-птичьему наш Генио беспечен.
Он знает, что друзья его накормят
И угостят стаканчиком вина...
Когда-то Генио работал продавцом
В салопе вино-водочных изделий.
Поил не глотки он, но души и сердца
Заблудших, в сущности, но праведных людей.
И сам, случалось, принимал на грудь
Бутылочку портвейна или две,
Частенько даже три или четыре,
А иногда число их близилось к восьми...

*Стой на своём безумии глупец — и стал бы мудрецом.
(Уильям Блейк. Притчи ада)*

Но в этом случае за точность не ручаюсь.
Поскольку счёт существенно сбивался.
И лишь прикинув силу нервной боли,
Застывшей в вычисленьях головы,
Мог Генио примерно измерять
Количество испитого портвейна...

И как-то раз, изрядно заплутав
На вёрстах вино-водочной дороги
И в виноисчислении потухнув,
Он точно сам того не зная как,
Уехал в город наш...

Очнулся он у городского рынка,
В том уголке, где продают цветы.
У ног его цвело ведро тюльпанов,
А в голове корзина орхидей.
Как раз тогда с ним и была метаморфоза.
Как раз тогда он и купил шарманку
(Иль обменял её на семь пустых бутылок).
А уж потом отбил у кошек попугая
И шляпу на помойке подобрал...

*Метаморфозы мотыльков и бабочек ничто по сравнению с метаморфозами человеческих душ.
(Афанасий Оптинский)*

Сказать по правде, Генио — философ.
Я как узнал его, любил с ним помолчать.
Об общих нас волнующих вопросах
Могли мы с ним молчать, не отрываясь,
До самого утра. Особенно в осенний листопад.
Потягивая грог или глинтвейн
с кусочками вялёного минтая...

Вот и сейчас, присев ко мне за столик,
Он замолчал о Густаве Майринке...
Когда мы не сходились с ним в молчаньях,
То выпивали виноградного вина
Из сорта Лидия и сорта Изабелла.
Казалось, долгий спор неразрешим.
И даже Соломон нам не поможет,
Хотя бы и открыл он на всю стезь
Свой дубом отороченный подвал.
Однако Генио нашёл вдруг аргумент,
Перевернувший наискось мой взгляд
На то, что, мол, Голем не существует.
На стол промежду чашек и бутылок
Поставил Генио искусную игрушку
Из дерева. Точёный деревянный человечек,

*Человек с сердцем, преисполненным молчания, и человек
с тишиной в сердце не похожи друг на друга...*
(Милорад Павич. Сны недолгой ночи)

Казалось бы, не должен был
Так сильно взволновать меня.
Да и, конечно, я б не взволновался,
Когда бы не глаза. Глаза живыми были.
Они смотрели пристально и нагло,
Пугая бездной, спрятанной в зрачках...
Должно быть, этот древовидный монстр
Владел в достатке мастерством гипноза,
Поскольку я вдруг начал раздвояться
И наблюдать себя со стороны:
Один мой Я по-прежнему пил кофе,
Другой же уменьшаться стал,
стремясь достичь нуля.
Но не дойдя к ничто с десятков превращений,
Остановился, якобы в раздумье,
И, подойдя к зрачку гипнотизёра,
Вдруг рухнул в оглушительную бездну.

Но не разбился в ней. Скорей, наоборот,
Он ощутил дыхание полёта
И в путь пошёл по лабиринту мысли,
Распутывая кладбище мечты.

*Практически в каждом из нас живёт не одно, но не-
сколько Я. Иногда они начинают ссориться и устраи-
вают настоящую свару.*

(Исидор де Прести)

Казалось, он скользил не вертикально,
Но составляя некий угол с горизонтом.
И угол этот близок был к нулю,
Поскольку колосающиеся травы
Метёлками своими оведали его лицо
И в то же время ноги...
И так, летя на бреющем полёте
По закоулкам бездны из зрачка,
Он постигал, что чёрное снаружи
Порой такое светлое внутри...

Витала музыка над нежным шёлком трав,
И колокольчиками с берега реки
Неслась негромкая причудливая песня:
Про нежный дар нахлынувшей любви.
О снегопаде чувств. О водопаде встречи.
О перепадах Солнца и Луны на двух сердцах...

Мой *alter ego* полетел па голос
И приземлился па песчаный пляж,
Где тонкая и хрупкая Лилея
Ваяла песню из песка и сердца.

*Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.*

(Омар Хайям)

И сеяла песчинки сквозь ладони,
Отбрасывая камушки в сторонку.
Второе Я моё приблизилось к Лилее
И заплуталось в чёрной паутинке,
Сплетённой из ресниц и из волос.
Над чем они с Лилеей веселились
Довольно долго. А уже потом
Вдруг унеслись в своём балете страсти.
И бесконечный пляж казался тесным
Для вихря необузданной Любви.
Поднялся смерч. Крушение пространства.
Мой *alter ego* начал растворяться...
И я опять вернулся к Соломону,
За столик его летнего кафе.

Но где же Генио? «Послушай, Соломон,
Куда девался Генио — шарманщик?
Я с ним хотел ещё немного выпить
Того вина, что пили мы с утра».
«Не знаю, Миф. Когда вы с ним надрались,
Он показал тебе причудливую куклу
С глазами от живого горностая.

*Этой чаше рассудок хвалу воздаёт,
С ней влюблённый целуется ночь напролёт...*

(Омар Хайям)

Ты посмотрел её и сразу же уснул.
А Генио подался по делам
Или без дел, того уж я не знаю.
Да и тебе уже пора бы, Миф.
Сам понимаешь — площадь не игрушка.
Нельзя весь день вблизи неё сидеть,
Хотя бы и вина приняв за вредность...
Опять же вечер близится к началу.
А после вечера всегда бывает ночь.
А по ночам тут беспокойно, парень:
Светиться некоторые камни начинают.
Про то свечение люди говорят,
Что это — излучение скитаний.
Оно пронизывает сердце до костей,
И люди от него заболевают:
На гребни самых острых крыш
После него выходят еженощно.
И там ведут они друг с другом споры:
О светлой сущности небесных чёрных дыр;
Об их зовущем чёрном притяжении...
Я сам не раз на крыши поднимался —
Послушать их чудные разговоры.

*Идти решил я вдоль отрогов гор, и на пути моём
встречались даже города.*

(Эрмано Кавациони. Поэма о лунатиках)

Скажу тебе: никто из них не знает
Конечной тайны сущности дыры.
И только мне она доподлинно известна.
Поскольку был я в ней не так-то уж давно.
Никто не верит мне, что чёрная дыра —
Не что иное, как зрачок гипнотизёра,
Который поселяется в людей, в облезлых кошек,
В бешеных собак и даже, говорят,
Он может обитать на дне бутылок,
На страницах книг,
В полотнах нестареющих картин,
В глазах скульптур из дерева и камня
И просто в окнах городских домов.
Последний раз он поселился вон в той арке,
Ведущей с площади на белоснежный север.
В ту ночь Луна, задумавшись о чём-то,
Взошла левее, чем встаёт обычно,
И угодила точно в сердце этой арки,
Придумав фантастический пейзаж.
Я кофе пил и любовался этим видом,
Когда вдруг понял, что и сам я на Луне.
Мне было там спокойно и легко,

*На дне бутылок обитают Джинны. И стоит лишь до-
нышко хорошенько согреть и спичку к горлышку под-
нести, чтобы добыть его...*

(Котеру Реминеску)

Я слушал вой собак со всей Земли
И отвечал им, воя в унисон...
И вот представь, я разбудил жену.
Уж как смогла она дослышать до Луны —
Не знаю. Ведь говорят, что вакуум вселенной
Способен переслать лишь тишину,
А всё, что громче тишины, не пропускает.
Конечно, некоторые звуки можно видеть.
Ведь понимают нас глухонемые,
Словесный шум тасуя по цветам.
Но видеть вой с закрытыми глазами,
Идущий из Болота Сна
Сквозь облака ночного небосвода?!
И тайне этой не придав значенья,
Устраивать скандал на всю округу!
Поверь мне, Миф, лишь женщина так может.

Я, кстати, думаю, что женщины не люди.
Они, всего скорее, марсиане...
Давным-давно на бороздах Элизий
они точили марсианский камень.
И чем-то прогневили горы Флегра.

Луна, как бледное пятно сквозь тучи мрачные белела...

(А.С. Пушкин)

За что и угодили в извержение,
Начавшееся с купола Гекаты.
Но не погибли в нём,
А сели на корабль
С какими-то чудными парусами,
Что надуваются от солнечного ветра.
И прилетели к нам, на нашу Землю...
Ничем иным не удаётся объяснить
Их тягу к кринолиновым доспехам
И к разжиганью пустяковых битв».
«Нет, Соломон, всего лишь половину
Ты изложил мне про рождение женщин.
Не сомневаюсь я, что амазонки кухни
Пришли к нам с красным марсианским сердцем.
Но есть ещё другие виды женщин:
Во-первых, много прилетело их с Венеры.
Оттуда Беатриче и Изольда, и Лесбия,
И Паша Аргунова, и Джульетта...
Все дочери Венеры кротки нравом,
Тонки, изысканны и пылки, как Солнце.
Они способны на любовь-полёт.
На путь во снах среди стихов и песен...

*— Девушка с бронзовой грудью,
Что ты глядишь с тоскою?*

(Федерико Гарсиа Лорка)

Потом, немало женщин родом с Фаэтона.
Когда-то он на астероиды распался.
И, чтобы не погибнуть в катастрофе,
Они на Землю нашу устремились.
Фаэтонянки горды и надменны,
Умны, задумчивы и склонны к созерцанью.
Они частенько занимаются наукой,
Политикой и иногда искусством.
Не встретишь среди них домохозяек,
Но и не встретишь молодых Джульетт.
И есть, мой друг, ещё один вид женщин,
Возникший в глубине нейтронных звёзд,
Где даже атомы крошатся под давлением...

Тех женщин очень мало на Земле,
Всего одна, а может, даже ноль.
Они способны вызвать ураганы
И изменять движение планет.
Менять течение подводных магистралей
И из ракушек строить острова.
Их узнают по разности в глазах.
Поскольку, выходя из недр звезды,

Тех женщин очень мало на Земле,
Всего одна, а может, даже ноль.
Они способны вызвать ураганы
И изменять движение планет.
Менять течение подводных магистралей
И из ракушек строить острова.
Их узнают по разности в глазах.
Поскольку, выходя из недр звезды,
Они минуют восемь сфер из плазмы
И задевают горизонт событий,
Вот почему в них есть асимметрия...
Их жизнь течёт не в будущее, но
В какое-то стороннее начало.
И возраст их пульсирует за ночь
Лет от семи до двадцати восьми».

«Послушай, Миф, но это ж наша Лея...
Мне говорил о ней блаженный Сентябрьрин!.,
В те времена, когда ещё он не утратил
Способность пить вино и говорить.
Он мне рассказывал, что в раннем сентябре
Вдруг снизошёл к нему осенний дар Любви.

*Любовь моя – цвет зелёный.
Зелёного ветра всплески.*

(Федерико Гарсиа Лорка)

*Кончится лето, начнётся сентябрь,
Разрешат отстрел утки, вальдинена, рябчика
и куропатки...*

(Иосиф Бродский)

И посреди дождя и листопада
В его саду вдруг расцвела сирень.
И, кстати, соловьи и канарейки
На осень ту в саду его остались...

Бывает, что Любовь дождю подобна,
Бывает снегу, шелесту полей,
Весеннему полёту жаворонка.
Но то, куда ворвался Сентябрьрин,
Могу я уподобить только Небу.
А Лея, словно кареглазый луч,
То небо разрывала пополам.
И освещала голубое сердце,
Внося в него горячее тепло.
Свет их Любви немного сдвинул Зиму...
И город осеняло до Весны
Застывшим золотом кленового пространства...
Но Сентябрьрин не вынес напряженья
Счастливого неведенья Любви.
И в то, что полюбил, утратил веру.
Ему казалось странным измененье
За ночь одну на двадцать с лишним лет.

*Пред пьяным соловьём, влетевшим в сад, сверкал
Средь роз смеющихся смеющийся бокал.*

(Омар Хайям)

Ведь Лея засыпала в двадцать восемь,
К полуночи ей было ровно семь,
А просыпалась — снова уж под тридцать.
И Сентябрьрин на этом помешался,
Считая Мир безумным пустяком,
А Лею лишь игрой воображенья.
Теперь он всё сидит на берегу,
Его там кормят чайки и бакланы,
Считая, видно, выпавшим птенцом,
Ещё не научившимся летать...
А может, почитают птичьим богом.
Ведь Сентябрьрин им проповедь читал
О смысле и бессмыслии полётов,
О теньях крыльев, что ложатся в облака,
О реках, вытекающих из моря,
И о вулканах — родниках камней...
Бывает, в полночь к ним приходит Лея
И слушает, пока не станет взрослой,
Лет до шестнадцати сидит. Потом уходит
Купаться в свежевывавшей росе».

*Однажды жили-были существа в одной деревне на дне
большой прозрачной реки.*

(Ричард Бах. Иллюзии)

«Послушай, Соломон, за разговором
Я не заметил, как взошла Луна.
А этот миг привык я отмечать
Стаканом белого трёхлетнего портвейна.
Восход Юпитера я отмечаю Кахетинским,
Восход Сатурна коньяком «Mortel»,
С Меркурием мы пьём обычно водку,
А с Марсом — Херес или же Мускат.
А с появлением голубой Венеры
Я достаю домашнего вина
Из сорта Каберне и Ркацители,
Причём желательно от Крымских берегов...
Поэтому прошу, налей-ка мне портвейна,
И мы с тобою выпьем за Луну».

Мы выпили. Медноволосая сияла Бетельгейзе,
А с нею голубая Беллатрикс. Они
Сидели на плечах у Ориона.
Белел Денеб, как лебединое перо,
И рыжим клювом выступала Альбирео...

*... мой город я узнаю по притаившемуся ожиданию, по
чему-то, что ещё не страх, но похоже на страх...
(Хулио Кортасар. 62. Модель для сборки)*

Послышались негромкие шаги
От площади. И, раздвигая мрак,
К нам подошёл Асканио — фонащик.
Когда-то он работал каскадёром.
Он поднимался в небо на орлах.
По морю плавал на спине дельфина.
И с крыши ратуши съезжал на горных лыжах.
Потом ему всё это надоело.
И стал Асканио хранителем огня
И сочинителем своих ночных скитаний...
Сейночно заглянул он к Соломону
На огонёк мерцающей беседы.
Степенно выпил. И заговорил:
«Намедни утром заходили ко мне гости —
Апостол Пётр и апёздол Никодим
На чашку кофе с облепиховым ликёром
С Петром я познакомился давно,
Когда на двух орлах поднялся в Небо.
Он мне сказал тогда: „Не липни к облакам.
Пока есть ноги, странствуй по дорогам”.
А Никодим спасал меня из моря.
Когда попал я в океанский шторм,

*... город будет сметён с лица Земли ураганом и стёрт
из памяти людей в то самое мгновенье...
(Габриель Гарсия Маркес. Сто лет одиночества)*

Он говорил: „Не торопись в бездонную пучину
Ведь ты же Землю всю не исходил”.
Такие вот истории. Но к делу:
Расположившись в креслах у камина,
Святой Апостол вот что мне сказал:
„В разумности своей погрязли люди.
Никто не ищет запах облаков.
И горизонт рукой никто не гладит.
Всем подавай спасение души
Иль, на худой конец, подай усладу плоти...”
И к этой речи таковы слова добавил
Апёздол моря старый Никодим:
„Не стало рыбаков, кругом лишь рыболовы.
Никто не строит дома из песка.
Похоже, люди дюже поумнели...”

Вот так они сказали и ушли,
Качая в сожаленье головами».

«О, наш провинциальный Прометей!
Почто печалуешь простуженную душу?
Ужели мы не знаем без тебя,

*Надо правильно жить мне, —
Может быть мудрым буду?*

(Ли Бо)

О чём болеет сердце Никодима?
Ужель ты чаешь, что не знаем мы,
О чём скорбит и мучается Пётр?
Крещендо, брат! Отринем все заботы
О человечестве. Настало время голубых ночей!
Мы к Императору уходим с Соломоном.
Пойди и ты. Пускай он сумасшедший.
Но ведь о подданных-то думает взаправду.
И, может быть, он чем-нибудь поможет
Империю, разбитой в лоскуты...»

И полупьяный поэт, вместе с ним
Пьяноликий трактирщик двинулись
в лунную ночь,

Прометей с собою забрав.
Дабы помог им в беде
Полновластный хозяин вселенной,
Разум оставивший вне
Поднебесных её городов...

*Вылетают гонцы из дворцовых ворот,
торопя быстроногих коней:*

(Ду Фу)

Ночь пробивалась сквозь тлен
Городского тумана и мифа,
И на ресницах роса
Чистой казалась слезой.
С крыш доносились
Негромкие песни сомнамбул.
И чёрные кошки
В такт им урчали
И били по трубам хвостом...

Мы в императорский дом
Заглянули без стука и пыли.
И к властелину тенёт,
Повелителю листьев и луж
Я обратился с такою изысканной речью,
Шляпу свою приподняв
И травинку убрав изо рта:
«О, Император Дождя,
Многомудрый владык стихии!
Нечто откажешься ты
Выслушать нас и помочь?
Люди погрязли в делах

*Он взял с собой в плаванье Карту морей,
На которой земли — ни следа.*

(Льюис Кэрролл. Охота на снарка)

И забыли о пусто-порожном.
Могут скатиться они
В механически-сучный Тартар!»

И Император Дождя,
Отодвинув свой трон-табуретку,
Вот что промолвил в ответ
На петицию пьяных бродяг:
«Каждое слово твоё,
Лучезарный поэт поднебесной,
Волос седой в голове
И морщину в душе добавляло.
Я за пятнадцать секунд
Поседел в двадцать девять волос.
И такую же сеть морщин
Ойкумена души покрылась.
Только одно остаётся,
Пожалуй, мне сделать:
Вызвать пронзающий дождь,
Не сломав и не сдвинув при этом
Голубое свечение Луны
Из окна кучевых облаков.

*Плавать по морю необходимо – жить не так уж
необходимо.*

(Помпей Великий)

Лунная радуга в небе,
Дорожки на крышах и лужах...
Музыка капель в окно
И ночной водосточный трубач...
Может, они принесут
Тот бальзам на просохшие души?
Может, они и помогут
Хоть немного безумнее стать?..

Ночь из Дождя и Луны
Растянуть до размеров полярной,
Чтобы дельфины в окно
Птицей могли заплывать...
Чтобы всемирный потоп
Смыл механический мусор
И растопил ледники
На железных вершинах ума.
Чтобы расцвёл нежным цветом
Не логос, а лотос,
Вместо скупцов
Населяли бы Землю скворцы...

*Лучше не знать ничего, чем многое — наполовину!
Лучше на свой страх и риск быть дураком, чем мудре-
цом за счёт чужих мнений! Я доискиваюсь основы.
(Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра)*

Но пусть за плотником
Кто-нибудь сходит, за Ноем.
Видно, пристала пора
Новый построить Ковчег».

*И сделал Ной всё; как повелел ему Бог, так он и
сделал.*

(Первая книга Моисеева. Бытие)

Краткие комментарии и пояснения:

стр. 16 Идущий из Болота сна — Здесь реальная географическая область на лунной карте «Болото сна», которая находится между «Морем спокойствия», «Морем кризисов» и «Морем пены», совпадает с метафизическим состоянием Соломона.

стр. 16-17 На бороздах Элизий они точили марсианский камень. / И чем-то прогневили горы Флегра, / За что и угодили в извержение, / Начавшиеся с Купола Гекаты. — На марсианской карте недалеко от Равнины утопии находятся все перечисленные области (Горы Флегра, Борозды Элизий, Купол Гекаты). В то же время здесь происходит отсыл к мифологии: Борозды Элизий — Элизинум — обитель блаженных, потусторонний мир, запредельное иномирное состояние — окружены Флегрийскими горами реальности. Извержение из потустороннего марсианского мира начинается с Купола Гекаты, Геката — ночная богиня колдовства, мрака, ночных видений, имевшая власть над судьбой земли и моря. Геката — ночная «хтония» и небесная «урапия» — бродит среди могил и выводит призраки умерших.

стр. 19 И задевают горизонт событий — Горизонтом событий в астрофизике называется замкнутая пограничная сфера вокруг чёрной дыры, внутри которой правят бал силы гравитации. Их мощностъ здесь настолько высока, что ничто, даже свет, не в состоянии проникнуть сквозь эту сферу, однако согласно последним открытиям Стивена Хокинга Чёрные дыры всё-таки могут испускать тепловое излучение.

стр. 19 И возраст их пульсирует за ночь — Известен эффект пульсации быстровращающихся нейтронных звёзд, которые обладают областью, генерирующей радиоизлучение в узком конусе. И этот конус бывает направлен в сторону наблюдателя через определённые промежутки времени.

стр. 19 Мне говорил о ней блаженный Сентябрьин — Это не только переключка с Августином блаженным, но и отсылка к седьмому месяцу — сентябрю (по римскому исчислению). Если Лея прошла восемь сфер из плазмы (семь кругов ада + горизонт событий), то Сентябрьин наиболее приблизившийся к ней человек.

стр. 21 Ведь Сентябрьин им проповедь читал / О смысле и бессмыслии полётов — По преданию, проповеди птицам читал святой Франциск Ассизский. Один из величайших святых и поэтов, сама жизнь которого стала великой поэмой. Франциск не отказывался от роли дурака или блаженного «Когда Франциск вышел из пещеры откровения, — пишет о нём Честертон, — он нёс слово «дурак», как перо на шляпе, как плюмаж, как корону. Он согласился быть дураком. Он был готов стать ещё глупее, стать придворным олухом Царя небесного».

стр. 22 ...Медноволодая сияла Бетельгейзе, / А с нею голубая Беллатрикс. Они / Сидели на плечах у Ориона — Бетельгейзе — звезда α созвездия Ориона, красный сверхгигант; Беллатрикс — γ Ориона, также звезда-гигант голубоватого цвета. Беллатрикс в переводе с латинского — «воительница», согласно средневековым астрологическим книгам, женщины, рождённые под этой звездой, бывают счастливы и любят поговорить.

стр. 22 Белел Денеб, как лебединое перо, / И рыжим клювом выступала Альбирео... — Денеб — α из созвездия Лебедя (голубой гигант, висящий у лебедя на хвосте); Альбирео — β Лебедя (двойная оранжевая звезда, имеющая голубой спутник, находится на клюве у лебедя).

стр. 23 Апостол Пётр и апёздол Никодим — Апёздол — антипод апостола, приверженец подводных глубин, чернокнижия и демонизма.

Михаил Погарский

Метаморфозы нормы

повесть, мощённая ритмом

Макет подготовлен дизайн-студией

«Треугольное колесо»

www.trinwheel.com

На обложке использована фотография автора.

Отпечатано с готового оригинал-макета

В типографии «Вишнёвый пирог»

www.cherrypie.ru

тел./факс +7 (495) 604-41-54.

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12